

К биологии лапландской совы *Scotiaptex nebulosa lapponica* Thunb.

П.П.Сушкин

Второе издание. Первая публикация в 1917*

В нашей фауне лапландская неясыть *Scotiaptex nebulosa lapponica* Thunb.[†] — одна из наиболее редких сов, и наблюдений над ней мало. Поэтому нелишни будут заметки, хотя и неполные, сделанные мною 19 лет тому назад в Смоленской губернии.

Первые сведения о находках лапландской совы в западной части Смоленской губернии получились от покойного Ф.К.Лоренца, которому было доставлено несколько экземпляров из окрестностей Ярцева (Духовщинского уезда) директором Ярцевской фабрики В.А.Максимовым. Одна из добытых сов была убита во время глухариного тока, — что делало вероятным и гнездование её в этой местности. Летом 1897 года я экскурсировал в Смоленской губернии и мне удалось, в тех же местах, разыскать и гнездование лапландской совы.

В еловой, частью заболоченной тайге Духовщинского уезда лапландская сова встречается регулярно, но всё же это самая редкая из крупных сов; летом, по крайней мере, она очень нечасто попадает на глаза. В ельниках, неподалёку от открытого места, устраивается и гнездо. Одно гнездо было найдено — верстах в 5 от Ярцева — на окраине обширной площади заболо-

* Сушкин П.П. 1917. К биологии лапландской совы (*Scotiaptex nebulosa lapponica* Thunb. // Орнитол. вестн. 8, 3/4: 149-153.

[†] Подвидовое название *lapponica* принимаю лишь согласно установившемуся мнению, что европейские (а также западносибирские) особи лапландской неясыти принадлежат к одной и той же географической форме (срав. С.А.Бутурлин — *Псовая и ружейная охота*, 1907; Е.Нartert — *Vogel d. palaarct. Fauna*, VIII, 1913). Считаю, однако, почти несомненным, что на этом пространстве живёт не одна географическая форма. Летом 1916 года я имел случай пересмотреть в Гельсингфорсском университете, к сожалению очень бегло и без сравнительного материала, большую серию (не менее 30 экз.) лапландских сов из различных мест Финляндии. Почти все они отличались от смоленских и лишь немногие, именно из северо-восточных частей финской Лапландии (Энаре или Инари) были сходны, по крайней мере без непосредственного сравнения, со смоленскими.

Большая часть экземпляров из Финляндии столь же мало контрастны по окраске, как смоленские, но в общем светлее; фон нижней стороны более чистого тона, поперечная рябь на нём почти не развита или отсутствует. У смоленских общая окраска темнее, как и лицевой диск; светлые крапины перьев затылка темнее и мельче; нижняя сторона более грязного тона, с хорошо выраженной поперечной рябью. У птиц с Енисея общая окраска контрастнее — тёмные части ещё темнее, но светлые — светлее и чище; нижняя сторона без поперечной ряби.

По-видимому, лапландская неясыть из Царства Польского и западных губерний России представляет форму, отдельную от типичной, за которую, вероятно, нужно считать сов того типа, который в Финляндии преобладает. В таком случае для западно-русских особей восстанавливается название *microphthalmos* Tyzenhaus (terra typica — Литва).

ченной тайги. В том участке, где найдено было гнездо, лес был не старый, лет 40, частью прореженный рубкою на дрова, по преимуществу ельник с примесью берёзы. Почва кочковатая, кое-где сильно заболоченная и трудная для ходьбы, немало полуупавших деревьев и много бородатого лишая. От опушки до гнезда было сажень 20, к опушке примыкал выруб, а дальше шло пахотное поле. Гнездо — видимо давнее, со следами надстройки — было выстроено на старой, сильно накренившейся ели, без сучьев внизу, на первой же толстой ветви, сажень 5 над землёй. Даже по величине птицы гнездо было очень большое, около $1\frac{1}{2}$ аршина в поперечнике и около 7 вершков вышиною; всё оно построено из сучков и только выстилка из мелких еловых веток и хвои; лоток очень плоский и насиживающая птица видна, как на ладонке. Не берусь судить, чьей постройки было гнездо — своей или чужой, — но и другое гнездо, найденное в конце лета в Часовенской казённой даче, было устроено точно так же, лишь меньше размерами. Это второе гнездо было также на ели, более старой, но ещё ниже — всего сажень в 3 от земли. Здесь местность суше — возвышенная грива, поросшая ельником и берёзою, и с одного бока к ней примыкал выруб, а с другого — заливной луг.

Первое гнездо найдено 29 апреля. По словам нашедшего его лесника, в гнезде было 2 птенца и 2 яйца, одна птица упорно сидела на гнезде, но другой видно не было. 2 мая, около 5 часов вечера, я отправился к гнезду. Одна птица сидела на гнезде, и её было видно в первый же просвет деревьев благодаря плоскому лотку. Сидит она очень курьёзно, почти по-куриному, подняв высоко свой длинный хвост и концы сложенных крыльев, и держится на гнезде очень крепко. Пока мы, ломясь через валежник и шлёпая по болотистой почве, шли к гнезду, осматривали его со всех сторон, стучали по дереву, кидали еловые шишки, сова вертела головой, делала гримасы, топорщила бороду, и только. Лишь палка, свалившаяся в самое гнездо, заставила сову взлететь, и я убил её влёт. Это была самка с большим наседным пятном. Самца мы не нашли и в этот раз. Спустя 12 дней, когда я снова побывал у гнезда, в нём начал устраиваться осоед. Не знаю, погиб ли самец раньше, или он всегда оставляет насиживающую самку.

В гнезде теперь оказалось 3 птенца, один из них только что вылупившийся, с приставшею скорлупою, и одно яйцо уже наклюнутое. Все три птенца ещё слепы и пух короткий, так что аптерии не прикрыты; однако 2 птенца, более крупных, уже пробуют хватать предлагаемый корм. Остатков пищи в гнезде не было; не нашёл я, ни в гнезде, ни под гнездом, и остатков скорлупы, — но загадка выяснилась при вскрытии самки: остатки скорлупы были в её желудке.

Я попробовал выкормить свою редкую находку. Однако переезд по лесной дороге, несмотря на все предосторожности, погубил двух птенцов: один из них погиб в ту же ночь, другой на следующую, в припадках рвоты. Один из птенчиков, однако, уцелел; кормление шло правильно; 5 мая стали открываться глаза, но зрачок был мутным и оставался мутным ещё не менее недели. Радужина, сначала бледно-желтовато-серая, начала желтеть дней через 5 после того, как открылись глаза. Птенчик стал живее, с криком требовал пищи, и щёлкал клювом. С 9 мая стали показываться из пеньков

вершины маховых перьев. 14 мая я должен был уехать, оставив совёнка на попечении одного из служащих В.А.Максимова. Заботами его редкая сова была выкормлена. 7 июня, приблизительно на шестой неделе от вылупления, я нашёл птенца вполне одетым во второй пуховой наряд. Из перьев показались — но ещё далеко не достигли полного роста — маховые и рулевые, однако, птенец недурно перепархивал и мог свободно взлететь на высоту около 1¹/₂ аршина. К половине июля достигли почти полного роста махи и рули, начало всюду показываться окончательное оперение, и около половины августа остались лишь кое-где следы пуха.

На свободе птенцы держатся со стариками ещё в конце июля и первой половине августа: 25 июля была встречена самка, криком подзывавшая птенца на покормку; в первой половине августа лесник встретил целый выводок лапландских сов, и одна из них бросилась на собаку.

По-видимому, это отчасти дневная птица. Старая самка, замеченная с птенцом, подозвала его криком и покормила среди бела дня, около 2 часов. Моя ручная сова, правда, становилась несколько оживлённее в сумерки, но во всяком случае я никогда не заставлял её днём в такой глубокой дремоте, как спят днём большинство других сов. Меня она и при ярком свете всегда встречала криком и часто летела ко мне.

В неволе это очень ручная, но и очень неподвижная птица. Совёнок очень скоро привык и узнал свою кличку “Васька”. Уже на десятый день он определённо узнавал это слово во фразе и начинал покрикивать в ответ — даже если слово произносилось среди фразы. Людям, кормившим совёнка, он позволял брать себя в руки, гладить, обыкновенно летел навстречу, но делал это очень неторопливо. Одно время в клетке с лапландской совою сидели обыкновенная неясыть и осоеды. К осоедам лапландская сова относилась совершенно безразлично; с неясытью она иногда тёрлась клювом о клюв, но всегда первую подлетала неясыть, вообще более подвижная и живая. Не часто приходилось слышать и голос лапландской совы. У гнезда я совсем не слышал её голоса. Самка, подзывая птенца, гукала глухо, напоминая голубя-клинтуха; птенец изредка издавал крик, напоминающий молодых *Asio otus* и *Strix aluco* — но не такой протяжный и звонкий. Выросшая сова обыкновенно встречала меня трудно передаваемым криком, напоминавшем кашель.

Один раз я попробовал взять свою сову в качестве приманной птицы, вместо филина. Результат получился значительно худший — правда, что сова удивительно подходит по окраске к еловым пням и плохо видна издали. Сороки и сизоворонки, также иволги, всё-таки бросались на неё, но не очень энергично; малый подорлик несколько сворачивал с пути, но не подлетал, тогда как на филина идёт он хорошо. Сова при нападениях “мелочи” — сороки, сизоворонки — только “кланяется”, но почти не топорщит перьев. Когда мимо несётся орёл, сова вытягивается, прижимает перья и сидит неподвижно; тогда очень трудно отличить её от елового пня, по крайней мере для человеческого глаза.

